

© 2002 г.

Н.В. РОМАНОВСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович - заместитель главного редактора журнала "Социологические исследования".

Пять лет назад читатели впервые познакомились с нашей рубрикой "Историческая социология". Нельзя утверждать, что тогда было четкое понимание принципов комплектования рубрики. Скорее было осознание, что разработка этой тематики - примета времени в отечественной и зарубежной социологии, что прежние рубрики "Архивы начинают говорить" и т.п. не отвечают на вопросы, встававшие перед российскими социологами. Повод обсудить содержание рубрики, проанализировать опыт работы по ее формированию есть. Что такое историческая социология (ИС)? Каково ее место (если оно есть вообще) в социологическом знании? Какие возможности она раскрывает перед читающими наш журнал социологами? Иными словами, каковы структура соответствующего знания и его роль в социологии?

Для начала обратимся к содержанию рубрики. С 1998 г. в 15 номерах журнала опубликовано 31 материал, разных по дисциплинарной направленности, и, очевидно, степени близости к тому, что редакции журнала представлялось спецификой "исторической социологии". Содержание рубрики пестрое, этого нельзя отрицать. Заметно преобладают конкретные исторические сюжеты с выходом на проблематику политической, тендерной, военной, экономической социологии и т.п. Вместе с тем в статьях рубрики дан анализ множества источников по тематике ИС. Это несколько сотен отечественных и зарубежных работ, в том числе ключевые труды по этой дисциплине. В конце XX - начале XXI в. историческая социология - важный компонент трудов крупных социологов. Публикации в международном "Journal of Historical Sociology", обзор содержания которого опубликован в нашем журнале [1999, № 9], ряд материалов из журнала Международной социологической ассоциации "International Sociology" и др. способствуют пониманию тенденций развития ИС.

Особую группу составляют статьи социологов России и зарубежья о соответствующих процессах, помещенные вне обсуждаемой рубрики, но имеющие непосредственное отношение к ИС. Так, в "Теории и методологии", например, помещены обзор эволюции соотношения социологии и исторической науки, выполненный А.И. Черных (2001, № 10), статьи А. Норо о "диагнозе времени" (2002 № 2), Б.С. Сивиринова о подходе феноменологов к проблемам истории и др. Более объемный список статей, близких исторической социологии, в специальных рубриках. Это статьи Г.И. Герасимова (одна из лучших публикаций журнала в 1999 г.) и А.Ю. Рожкова по военной социологии [1, 2]. В "Социологии села" помещена работа Теодора Шанина, редактора международного журнала "Journal of historical sociology". В рубрике "Методика и техника социологических исследований" А.А. Давыдов, обсуждая "модель социального времени", пишет о его восприятии россиянами [3], И.М. Попова (Одесса) в рубрике "Социология культуры" осуществляет интересный эмпирический анализ представлений своих сограждан о настоящем, прошедшем и будущем [4]. В рубрике "Социологическая публицистика" (2001, № 10) выступил с эссе о расизме И. Валлерстайн, аргументирующий свою позицию на основе исторических материалов с охватом нескольких столетий; таковы и другие публикации этого видного социолога (1999, № 1). В подборке

"У нас в гостях европейские социологи" (Восточная Европа, 1990-2000 гг.) представлены статьи, которые с уверенностью можно отнести к ИС (2002, № 5-9). Выделяется работа К. Мюллера и Т. Пикеля о влиянии на реформы в Восточной Европе внешнего консультирования, роли МФИ (тесно связанных с правительствами, в частности, США и ЕС), науки и научных концепций. Защита теории модернизации на основе исторического-материала содержится в статье В. Цаффа [1998, № 8] и данные о трансформации в Восточной Европе - по сути новый виток в спорах о теории модернизации. Историко-политический анализ региона Кавказа осуществлен в статье В.П. Макаренко [2001, № 12].

Анализ протяженных во времени социальных явлений и процессов, долговременных тенденций буквально вводит исследователей в сферу ИС. Показательны в этом отношении статьи П. Штомпки о так называемой культурной травме (2001, № 1-2), а также его книга о социальных изменениях [5]. Социальную трансформацию в России анализирует Т.И. Заславская. Статьи о десятилетиях реформ, отраженном в сознании россиян, тенденциях "теневизации" (Р.В. Рывкина), динамике безработицы за последние годы (Л. Гордон и Э.В. Клопов), предпринимателях как социальной группе (С.Ю. Барсукова), о процессах в образовании (Д.Л. Константиновский) и бюджете времени (В.Д. Патрушев), подвижках в соотношении городского и сельского населения, демографических процессах, динамике состояния здоровья россиян, религиозной ситуации, ценностных ориентаций и др. содержат обобщения историко-эмпирического материала, различные подходы к выявлению социальных изменений, их интерпретации.

В последнее время удельный вес публикаций по ИС в журнале растет. Первый номер за 2002 г. содержит статьи о посткоммунистическом развитии Польши, истории сельской России и мобильности в деревне за 1905-1930 гг., обеднения села, динамике ценностных ориентаций в период российской трансформации в поколенческом разрезе. Статья Р. Михельса "Демократическая аристократия и аристократическая демократия" - отзыв времен, когда социология преимущественно питалась историческими данными (своего рода версия качественного метода). Во втором номере опубликованы наряду с упомянутой статьей финского социолога А. Норо, работа Д.Н. Замятина об истории социального освоения географического пространства посредством путешествий, две статьи в рубрике ИС и "Социологическое наследие", статья А.И. Шингарева о вымирающей деревне в России начала XX в., размышления над книгой о ценностном противостоянии России и Запада, вышедшей в США. В номере 5 за 2002 год представлена целая панорама социологических, исторических материалов. О характере и тематике обсуждения вопросов ИС можно судить по рубрике "Научная жизнь". В рецензиях анализируются основанные на историческом материале книги Ю.Н. Афанасьева, М.Я. Боброва, С.Ф. Гребениченко, В.Н. Кудрявцева, Б.Н. Миронова, Ж.Т. Тощенко и др.

В качестве одного из пятилетних итогов можно отметить раскрытие многообразия позиций, взглядов по тематике ИС. Порой создается впечатление радуги подходов, интерпретаций. В подобной ситуации особенно ощущается потребность в концептуальных работах, интегрирующих различные точки зрения. На наш взгляд, этой потребности как нельзя лучше отвечают труды датского социолога Якоба Алстедта: вначале статья о проблемах мотивации в социологии (2002, № 9), затем книга автора "Развитие человеческого общества - критическое введение в историческую социологию" [6].

Развитие человеческого общества - предмет исследования, вокруг которого выстроена архитектоника книги датского социолога. Алстед взял за отправную точку проблемы, поставленные в классических трудах по ИС последних десятилетий, комментируя выявленные в них процессы в исторической социологии, получая возможность продвинуть научное знание. "Пятерка" признанных специалистов, классики, без упоминания которых не обходятся работы по ИС: Б. Мур, Т. Скочпол, Ч. Тилли (его Алстед считает самым крупным действующим социологом-историком, с. 42), А. Гидденс и М. Мэнн. Имя последнего реже встречается в отечественной социологической литературе: Алстед характеризует его как одного из самых амбициозных современных исторических социологов (с. 44). В книге представлен также анализ работ других социологов: Н. Элиаса, Э. Томпсона, П. Андерсона, И. Валлерстайна, Ф. Броделя (источники социальности от неолита до первой мировой войны), У. Рансимена, Ф. Фукуямы, Э. Геллнера, Дж. Холла, У. Макнейла, П. Кеннеди, С. Роккана. Автор знакомит нас и со скандинавскими учеными (Р. Дальберг, Л. Касперсен, Х. Клаузен, Э. Лунд, Ф. Миккинен, У. Эстергорд и др.).

Книги, ставшие объектом внимания Алстедта, выходили в свет, начиная с 1960-х годов (Б Мур) Все пятеро от Б. Мура до М. Мэнна, за одним исключением (А. Гидденс, который, по мнению Алстедта, "ориентирован теоретически", с. 28, 153) социологически осмыслиют

эмпирический материал прошлого: помещики и крестьяне, революции, государство, насилие и войны, организации, власть и др. Обсуждая поднятые проблемы, Алстед стремится углубить и дополнить предшественников. Рассмотрен комплекс социально-исторических проблем: движущие силы ("мотор") истории, ее "носители", характер, вектор развития "человеческого общества", образующий "перемены". Последовательно операционализированы категории, обсуждаемые пятеркой классиков, не всегда строго выдерживавших нормы социологии. По каждой проблеме сформулирован круг нерешенных вопросов. Чтобы продвинуть их постижение, Алстед проводит собственный анализ, опираясь на знание из смежных отраслей, и на новом уровне намечает возможные решения. В дополнение к сделанному другими авторами, он выделяет ряд, который фактически бесконечно долог, факторов развития общества. Если (с. 108) Ч. Тилли пишет, что "именно изменение организационных возможностей - центральная характеристика процесса перемен", Алстед уточняет - техника и организация (с. 136). Среди факторов "развития общества" в итоге оказались проблемы классов, государства, революции, власти, насилия и войн, организации, коммуникаций, структур, технологий, эмоциональной энергии, цивилизации, институтов, сетей, кейджинга (новый термин - от англ. cage - клетка, не биологическая, а пространственная, образующая трехмерную "сеть"), труда, иерархий, мобильности, экономики, политики, времени, образования, религии и т.п.

Собственный вклад Алстеда в коррекцию представлений об исторической социологии - психика, мотивации индивидов; его отличает от предшественников особое внимание к человеку: "Чтобы понять, как люди творят историю, как она делается, необходимо, чтобы историки и социологи понимали нашу психику намного лучше, чем это имеет место сегодня" (с. 73). И Алстед в этом мнении не одинок, имея в виду тех, кого он цитирует (с. 119, - эмоциональная энергия, психо-история на основе работ Ж. Шалуты [7] и др. авторов, включая Н. Смелзера), и кого не упоминает. Мы имеем в виду "пассионарность" русского ученого Л.Н. Гумилева. Здесь необозримое поле работы, и выйти на достоверное решение не менее сложно, чем в случае с развитием человеческого общества. И.Г. Эренбург однажды заметил: "Наши современники знают точно, по какой орбите понесется спутник, запускаемый в космос. Но мы еще не знаем, по каким орбитам кружатся человеческие чувства и поступки" [8]. Это замечание в век мощнейших ЭВМ не устарело. Приведенный Алстедом порядок цифр, отражающих количество возможных вариантов решения проблем "развития общества" - 10 в 120-й степени (с. 32). Такое число трудно осмыслить.

Здесь мы близки к сути методологии понимания Алстедом поставленных проблем ИС: "решение в том, чтобы формулировать общее с исходной точкой в специфическом, что, собственно, пытается делать историческая социология" (с. 31). Комплекс социологического знания о мотивациях индивидов дает автору надежду "... понять развитие человеческого общества как нашу попытку создавать все более гибкие организационные возможности, которые помогают удовлетворить стремление к оптимизации нашей эмоциональной энергии" (с. 148). То есть маршрут движения к решению базовой проблемы ИС Алстеда лежит через "области" микро- (мотивации индивидов), мезо- (комплекс проблем, поставленных "пятеркой", дополненный Алстедом) и макросоциологии (развитие человеческого общества).

Вернемся к центральной для нашей статьи проблеме исторической социологии. В установке Алстеда есть известная непоследовательность - акценты на высший, теоретический уровень исторической социологии, близость ее к макросоциологии, к теориям развития общества: "Конструирование теорий развития человеческого общества - амбиция большинства исторических социологов" (с. 30), "Большая часть исторической социологии это макросоциология", "Отношение между историей, исторической социологией и социологией можно понять как континуум, воспринимаемый историком как минимально теоретический, а социологом как наиболее теоретический" (с. 28) и т.п. Так ли это? Диапазон от эмпирии до теории, от микро- до макроуровней и т.д., обозначенный Алстедом, - фактически вся социология. Тогда действительно ли макроуровень - ядро предметной специфики ИС? Следует ли приравнять историческую социологию к макросоциологии? Трудно согласиться с этим. Ведь даже образцовая "пятерка" классиков ИС решает задачи в основном среднего уровня. Тем более, что содержание книги с такой точкой зрения на историческую социологию не вполне совпадает. На практике "база данных" у Алстеда иная: континуум от макросоциологии до микросоциологии.

Подход Алстеда к человеческой мотивации на основе трехчленной (Эго, Суперэго и Ид) формулы психики по Фрейдю, несомненно, продуктивен. Привлечение внимания к этому пласту общественной реальности стимулирует желание посмотреть на проблемы, встре-

чающиеся здесь, и с иных позиций. Так, социологический анализ и операционализация требуют включения значимо распространенных патологий, рассмотрения интенсивности проявлений эмоциональной энергии индивидов. Практически каждая из составных частей трехчленной модели проявляется с разной интенсивностью у разных лиц. Психика конкретных индивидов в весомой части содержит отклонения (в том числе, в рамках общественно приемлемых норм). На мотивации реально накладываются культурные модели, ценности, образцы, нормы. И это лишь часть причин появления упомянутых Алстедом 448-ми вариантов альтернативных форм общества (с. 144). Сюда следует добавить личный опыт индивидов, в котором косвенно заключены, по меньшей мере, факторы опыта общественного, группового, институциональные рамки, а также - в широком смысле - культура конкретного социума. К аспектам социальной роли психики индивидов отечественные психологи П. Анохин, Л. Выготский, А. Леонтьев добавляют выявленные ими данные. Оказывается, сознание индивидов не делит во времени объект на прошлое, настоящее и будущее - сознание схватывает их в единстве (на этот факт внимание автора данной статьи обратила докторант МГУ Е.И. Кравченко). "Микроуровень" (по Алстеду) своей сложностью выходит за рамки трехчленной формулы Фрейда. И это повторяется на каждом уровне. Если, намеренно упрощая ситуацию, три уровня социологического знания считать равнозначными для ИС, моделирование "развития человеческого общества" окажется сложным, если не сказать неподъемным, для "больших" компьютеров.

Российским социологам усилия Алстеда в отношении "развития человеческого общества" по-своему близки. Алгоритмы развития, повторяемости, закономерности и законы представлены в их публикациях по исторической социологии. Алстед упомянул марксизм, его западных представителей в ИС: П. Андерсона, Э. Томпсона, И. Валлерстайна, ставивших вопросы такого рода (Валлерстайн, кстати, не моделирует процессы развития общества; для него важнее образ действий индивидов, особенно "научно" рациональных, в условиях реализации альтернатив истории). Развитие человеческого общества - важная забота незабытого исторического материализма. 70 лет его доминирования дали результаты не богатые. В России в последние годы к законам общественного развития отношение меняется: образовалась аллергия на поиск законов исторического развития, хотя проблематика эта не забыта и представлена в нашем журнале вполне рельефно (М.Я. Бобров, Г.П. Давидюк, В.В. Иванов). Но многим социологам ближе слова В.А. Ядова: "... отказ от классической парадигмы относительно социальных закономерностей" (Социол. исслед., № 4 за 2002 г., с. 135). Для российской социологии, думается, значимее стремление Алстеда эмпирически подкреплять все уровни социологического знания о развитии общества. Путь истматовский, нормативный (априорный, часто расходящийся с социологической эмпирией) отвергнут. Путь Алстеда - "сбор эмпирического материала и создание хорошо выверенных теоретических моделей" (с. 27), всесторонне подтвержденное социальное знание, - для нашей ситуации еще впереди.

Алстед ведет отсчет существования исторической социологии со второй половины XX века, с 1960-х годов (на с. 37 - "после второй мировой войны"). Представляется, что тем самым временные рамки движения историко-социологической мысли несколько сужены. Упомянув важность трудов классиков социологии (О. Конт, Г. Спенсер и, в меньшей мере, Э. Дюркгейм), он не обозначил, однако, преемственности своей позиции с социологией конца XIX - начала XX века. Классики ИС того времени практически оказываются вне его поля концепций. Такое отношение к истории (или, возможно, предыстории) современной ИС непонятно и с ним трудно согласиться. Фактически сейчас завершен цикл развития ИС, происходит как бы возвращение в исходную точку, и знание прежнего цикла лучше поясняет цикл нынешний. Особенность современного этапа П. Штомпка описал в середине 80-х гг. как: "...теоретический поворот, совершающийся в социологии в последние годы под лозунгом исторической социологии и теории субъективности (agency)" [9, p. 322]. Затронуты многие парадигмы социологии: феноменологи утверждают, например, что их парадигма «разовьется в "историческую феноменологию", так как "трансцендентальная жизнь" упорядоченностей является процессами "истории"...» [10, S. 283]. И так далее. На отношение Алстеда к ранним этапам ИС могли повлиять дебаты начала 1990-х годов об исторической социологии. В них участвовали Дж. Голдторп, Н. Мужелис, Й. Хамлэм, ряд скандинавов, автор книги об исторической социологии Деннис Смит [11]. Но стремление Алстеда уточнять представления о развитии человеческого общества перекликается с мотивами социологов начала XX века, с тогдашней философией истории.

И еще: по поводу горизонтов знания, открываемых исторической социологией, Алстед акцентирует два момента: (1) "ИС пытается, таким образом, перешагнуть границы,

установленные для себя историками и социологами" (с. 29); на с. 19 историческая социология определена метафорой - "место встречи" истории и социологии. Перед нами определенное видение дисциплинарной принадлежности данного рода трудов. Отношения истории и социологии обсуждаются давно, они сложны, имеют свою историю. У ИС есть общее и специфическое и по отношению к истории, и по отношению к социологии. И здесь (2) выражено отношение автора к "интегральной" науке об обществе, - идея, отраженная ориентиром "развития человеческого общества". Возможно, недалеко время, когда компьютер и базы данных на несколько порядков расширят диапазон охвата эмпирического материала. Тогда, вероятно, сегодняшние специализации начнут отмирать. Не раньше.

Еще один горизонт исторической социологии Алстед видит в философии истории, в "новой светской религии" (с. 161). В последнем случае имеется в виду, что знание для людей может играть роль, прежде принадлежавшую религии: давать жизненные ориентиры. Но вытекает ли из этой возможности готовность покинуть поле социологии? Вероятен, на наш взгляд, и иной курс развития: к новому качеству социологии как науки, - в отличие от знания как такового. Накопление, трансляция - одна сторона знания, но знать человек стремился для практики, для действия. Родовое социальное качество, видимо, научного знания: эффективное применение в интересах индивида, группы, и т.п., - не исчерпано.

Итог представляется таким: вопросы в книге Алстеда отвечены в той же мере, в какой поставлены новые. Сохраняются исходные для нас, для читателей и авторов журнала вопросы об исторической социологии, о ее предметном поле, критериях подготовки статей для этой рубрики. Фактом остается множество функций, подходов, типологий и определений (в одной из наших публикаций их приведено 16 [12, с. 14—16]). Точку в этом перечне ставить рано. Например, монография Н.Ф. Гребениченко [13] о политике властей СССР периода НЭПа по отношению к сельским кустарям дополняет функции ИС машинной обработкой массива документов прошлого. Действительно: 1217 документов (14 тысяч страниц) сведены в банк машиночитаемых данных. Выделены (через SPSS+) 468 "категорий" - ключевых понятий, выявлены 42 альтернативные ситуации принятия политических решений, 4 альтернативных пути, из которых восторжествовал один, в свое время получивший ставшее ныне многозначительным название "великий перелом". Итог политический - ликвидация социального слоя и альтернативного пути индустриализации, позднее реализованного в Южной Корее, на Тайване, в Сингапуре, Малайзии и др., итог научный - новый взгляд на исторические альтернативы и современные проблемы России, ее экономики и социальной структуры, поведения предпринимателей и т.п.

Конечно, диапазон тем в рубрике нашего журнала не столь широк. Реально предлагаемый, авторами материал, к сожалению не охватывает возможностей исторической социологии. По Алстеду можно сказать, что большинство статей данной рубрики ставит социологические задачи "среднего уровня". Соисс" порой публикует интересный исторический материал (например, современный взгляд на политический терроризм в России конца XIX - начала XX в. [14]), даже если он в малой степени социологичен. Социологизм, однако, решающий критерий публикации в этой рубрике. Поскольку процентов на 70 авторы рубрики историки, бывают ограничения при переходе на более высокий (макро-) уровень. В двухтомнике Б.Н. Миронова по социальной истории России, например, применение одной из социологических теорий и невнимание к другим привели к спорным оценкам жизнеспособности царской империи в годы первой мировой войны [15].

Ситуация с исторической социологией в итоге аналогична состоянию самой социологии: множество определений, подходов, поиск выхода из трудностей, пестрая картина определений и практик. Проблемы исторической социологии целесообразно видеть в свете положения в социологии. Дискуссии о социологии (например, социология жизни как концепция исследования социальной реальности) получают под этим углом зрения продолжение в ИС. Приняв эту рамку, мы облегчим анализ положения в исторической социологии, определение ее проблемного поля и предмета. Пестрота дефиниций ИС частично связана с тем, что ее не всегда рассматривали под углом зрения социологии. Подходы часто диктовала ситуация [16]. В 1960-70-е годы в СССР историческую социологию трактовали как метод работы историков, этнографов, в ней с позиций исторического материализма искали путь подтверждения определенного "вектора" истории. В Германии после второй мировой войны, когда история страны воспринималась болезненно, на ИС смотрели как на базу "исторической социальной науки". И т.д.

Методологически сущность исторической социологии, видимо, связана не столько с приложением социологии к анализу прошлого, с социологически устанавливаемой связью проблем (семья, тендер, менталитеты и т.п.) прошлого и настоящего. Речь скорее идет о

целостности временного (темпорального) континуума социологического знания о конкретном социальном явлении. Историческую социологию поэтому, в общем виде, можно определить как *часть (раздел) социологии, обеспечивающую своими методами единство анализа прошлого, настоящего и будущего, временной континуум социологического теоретизирования и эмпирических исследований путем включения исторического прошлого в анализ исследуемого социологом объекта и тем самым определяющую его исторически данные параметры*. Это определение созвучно некоторым формулировкам из западных справочников, с которыми довелось ознакомиться [17]. От других специальных социологических дисциплин историческую социологию отличает, очевидно, ее применимость в подавляющем большинстве из этих дисциплин, если не во всех - следствие социальной природы большинства исторических фактов. Отсюда - разнообразие журнальных рубрик, которые учтены в нашем анализе исторической социологии на страницах "Социса".

Определенность с социологической природой ИС позволяет предметно обсуждать вопросы междисциплинарного взаимодействия, в том числе истории с социологией. Междисциплинарность - реальность современной науки. История и социология совместно решают проблемы применения исторических методов социологами и социологических - историками, проблемы социальной истории, "исторической социальной науки" (идея М. Вебера), нарративной и устной истории, биографий. Взаимодействие для достижения конкретных целей (психо-история, упомянутая Алстедом, лишь один пример такого рода) позволяет социологам преодолеть разрыв между уровнями (микро-, мезо- и макро-) социальной реальности.

Проблемное поле исторической социологии аналогично полю социологии. В нем есть теоретические, методологические, методические, дисциплинарные, эмпирические и др. аспекты. Социология таких явлений как адаптация, вызовы, глобализация, горизонты, становление, истоки, пути, тенденции, традиции, траектории, преемственность, развитие, смена, изменение, поколения, рост, процессы, конфликты, кризис, мобильность, формирование, динамика, конкуренция, революция, социализация, трансформация, модернизация, организация и так далее, - требует обращения к прошедшему. Это подтверждает практика обсуждаемой рубрики. На макроуровне, очевидно (кроме проблем развития общества, акцентируемых Я. Алстедом), возможно рассмотрение социального времени, временного измерения социологического знания. Историческая социология может содействовать формированию "социологии времени": А.Ф. Филиппов выделяет два основных вида рассуждений на уровне общей теории: "социология пространства" и "социология времени" [Приводится по: 3, с. 98]. П. Штомпка в книге о социальных изменениях пишет о социологии времени в связи с Э. Дюркгеймом и Франкфуртской школой [5, с. 24-26]; хорватский журнал пишет о "женском времени" [18]; Алстед (с. 109) замечает: "время не то же, что изменение", и т.д. По контрасту указатели ИНИОН (на это обратила внимание И.М. Попова) связывают социологию времени с социологией свободного времени, досугом. На микроуровне ИС может уточнить проблему разграничения факта исторического и факта социального, социологического, как и их специфики. Среди проблем среднего уровня ИС - возможность конструирования механизма "работы" истории, роль исторического сознания, традиций, институтов и т.п. Здесь же анализ социально-исторических алгоритмов и специфики развития стран, регионов. В целом, опыт нашего журнала во многом аналогичен практике журналов "Journal of Historical Sociology" и "International Sociology". Эти издания лишь гораздо раньше стали целенаправленно осваивать социологию прошлого в интересах исследования настоящего и будущего; поэтому и сейчас авторы этих изданий нацелены на более сложные задачи, например, разработку 'сравнительной исторической социологии' модерна ("modernity") [19, p. 468]. У многих социологов России пока отсутствует привычка (или возможность) включать в концепции, обрабатывать социологический материал прошлого. Обращение к материалам, носящим исторический характер, происходит у наших социологов порой непреднамеренно. Чаще всего регулярные замеры выстраиваются в цепи, появляется возможность сравнивать данные исследований с интервалами в годы, десятилетия, и т.п. Специально задачи исторической социологии решаются редко; целевой поиск связей настоящего с прошлым социологи только начинают. Даже динамично развивающиеся школы, вышедшие из философии и экономической социологии, лишь косвенно выделяют временное измерение социологических исследований [20]. Главное для российской ИС пока освоение сюжетов истории как базы теоретизирования и практики. Необходимость выхода за рамки текущей современности, получения панорамных представлений через обращение к прошлому очевидна, в частности, ради постижения истоков настоящего и прогнозов.

Практика нашего журнала показывает, что историческая социология обладает способностью наглядно показывать самим социальным акторам (в современных российских условиях это, прежде всего, работники управления и бизнеса) истоки реальных трудностей, текущие тенденции. Что, отметим попутно, фактор повышения социальных роли и статуса социологии. Укажем несколько возможностей и примеров использования ИС ради общественно значимых результатов. Репродуктивное поведение россиян представляется, возможно, проблемой № 1, поскольку, как говаривали в прежние времена, "нет человека - нет проблемы"; а если "нет населения" - то тем более. Но в социологических демографических исследованиях пока не раскрыт комплекс последствий урбанизации, общественных катастроф России в XX веке и вступления страны в полосу модернизации. Есть, вероятно, возможность исправления ошибок приватизации, достижения эффективности предприятий через формы собственности, оптимизации отношения россиян к ней, а также к труду. Важным видится установление связей развития современных российских городов с досоветскими тенденциями градообразования и развития, с урбанизацией, с практикой советских (город-сад), или коммунистических городов, и т.п. Удивляет и то, что суждения последних лет о земле, владении ею, продаже угодий, о крестьянстве и т.д. редко подкрепляются анализом релевантных перемен в реальном сознании сельчан: ссылки на мнения горожан, даже вчерашних крестьян, о продаже угодий, лишь в малой степени отражают реалии сегодняшней российской деревни. Есть возможность динамизировать экономические функции малого бизнеса, отслеживая динамику его становления, как это сделано в одной из публикаций нашего журнала [21]. Намечается переход от коренящейся в сталинизме "кадровой политики" к модели "человеческих ресурсов" развития экономики и общества, причем меняется сознание административно-управленческого персонала [22]. Социологи могли бы помочь властям понять футбольных фанатов (частный случай общей тенденции незнания властями реального объекта управленческих действий). И так далее. На внедрение этих походов в практику требуются усилия и годы. Но годы станут десятилетиями, если не изучать реальных людей, с которыми имеют дело управление и бизнес.

Итогом статьи и целью современного этапа исторической социологии в России можно предложить *движение к Сорокину и Ключевскому*. Подход П.А. Сорокина к исторической социологии противоречив: он не одобрял дробления социологии, в частности, появления социологии исторической [23]. Широко используя факты истории, не мысля социологию без этой компоненты, он не считал ИС отдельной дисциплиной. Органической частью его социологии всегда был материал прошлого, - как и у Макса Вебера, Энтони Гидденса, Никласа Лумана. Историк В.О. Ключевскому принадлежат слова: "Историческое изучение строения общества, организации людских союзов, развития и отправлений их отдельных органов, - словом, изучение свойств и действия сил, созидающих и направляющих людское общежитие, составляет задачу особой отрасли исторического знания, науки об обществе, которую также можно выделить из общего исторического изучения под названием *исторической социологии*" [24]. В исторической социологии он видел социологические параметры, "основные силы общежития": личность, общество, природа страны, физиологические, экономические, юридические, политические и духовные элементы.

Не надо забывать Сорокина и Ключевского. Национальные социологии зависят от пройденного ими пути. Не надо с него уходить. Сегодня историческая социология - это и узкое место, и новые (в смысле, связанном со сменами поколений, - "основательно забытого старого") горизонты в отечественной практике. Ее вхождение в обиход профессионалов обозначит качественно более высокий уровень социологии. Рубрика в журнале, рост числа исторически ориентированных материалов в "Социологических исследованиях" характерные явления. Пять лет показали, что у нас - по "позднему" Сорокину - возможна интегральная социология [24, с. 124].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасимов Г.И. Высшее военное руководство РККА: анализ данных 1919-1941 // Социол. исслед. 1999. № 8.
2. Рожков А.Ю. "В Москве я слышал одно, здесь вижу другое". Красноармеец 2(0)-х годов: картины мира и социологический облик // Социол. исслед. 2000, № 10).
3. Давыдов А.А. Модель социального времени // Социол. исслед. 1998. № 4, С. 98-100.
4. Попова И.М. Представления о настоящем, прошедшем и будущем как переживание социального времени // Социол. исслед. 1999. № К).

5. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-пресс, 1996.
6. *Alsted J.* De menneskelige samfunds udvikling - en kritisk introduktion til historisk sociologi. KØbenhavn. 2001. 172 s.
7. *Szaluta J.* Le psychohistoire. P. 1987; *Idem.* Psychohistory: theory and practice. NY. 1999; а также книга Н. Смелзера: *Smelser N.* The social edges of psychoanalysis. Berkeley. 1998.
8. *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Т. 3. М. 1990. с. 30.
9. *Sztompka P.* Renaissance of Historical Orientation in Sociology // *International Sociology*, 1986, vol. 1, № 3.
10. *Rombach H.* Phänomenologie des sozialen Lebens. Grundzüge einer phänomenologischen Soziologie. München. 1994.
11. *Smith D.* The rise of historical sociology. Cambridge: Polity. 1991.
12. *Романовский Н.В.* Историческая социология в структуре социологического знания // Социол. исслед. 2000. № 6.
13. *Гребениченко С.Ф.* Диктатура и промысловая Россия в 1920-е годы. М.: ЭКОН, 2000.
14. *Суворов А.И.* Антитеррористическая деятельность в дореволюционной России // Социол. исслед. 2000, № 12; *он же.* Политический терроризм в России XIX - начала XX веков. Истоки, структура, особенности // Социол. исслед. 2002, № 7.
15. *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII-XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х тт. СПб.: Дмитрий Буланин. 1999. Рецензию на эту книгу см. - Социол. исслед. 2000, № 4, с. 143-48.
16. См. определения исторической социологии: *Кудинов В.В.* ИС - Энциклопедический социолог, словарь. РАН. ИСПИ. М., 1995. С. 716-18 (этот текст публиковался и в Словаре-справочнике по западной социологии); *Черных А.И.* Историческая социология на Западе (конец XX в.) // СИ 2002. № 2, с. 87-88 (приведены определения из западных справочников и определение автора); *Бобров М.Я.* Законы истор. социологии и методы их исследования, Барнаул. 1999; и др.
17. *A Modern Dictionary of Sociology.* NY. 1962, P. 403; *Lexikon zur Soziologie.* 2. verarb. u. erweit. Aufl. Opladen. 1978, S. 721; *Encyclopedia of Sociology.* Vol. II. N. Y. 1992, p. 342; и др.
18. *J. Kodrina.* Žensko vrijeme i prostor: na primjeru umjetnica u Hrvatskoj // *Sociologija sela.* № 3/4, 2000, p. 449-469; *Kristeva J.* Žensko vreme // *Gledišta.* Beograd, 1990, № 1/2, с 17-38, а также: *Наумова Н.Ф.* Время человека // Социолог, журн. 1997. № 3 и др.
19. *Joas H.* The modernity of war. Modernization theory and the problem of violence // *International Sociology.* 1999, V. 14, № 4, P. 468.
20. Кирдина С.Г. говорила об этом на Харчевских чтениях в журнале (октябрь 2001 г.).
21. *Ващенко Н.П., Королева СИ.* Субъекты малого предпринимательства в торговле // Социол. исслед. 2001. №6.
22. *Самодолов ВТ.* Социально-психологические аспекты управления кадровыми ресурсами Балашихинского района Московской области. М. Информация и образование. 2002: "...Люди теперь рассматриваются не как кадры, а как человеческие ресурсы и их ценность как фактора успеха производства все время возрастает" (с. 5). Автор - глава администрации района.
23. *Сорокин П.А.* Социология вчера, сегодня и завтра // Социол. исслед. 1999. № 7. с. 117 (примечание 5).
24. *Ключевский В.О.* Русская история. Полн. курс лекций. К. 1. М., 1993. С. 5.